

Темные двойники полной занятости. Предисловие к переводу

ДМИТРИЙ М. ЖИХАРЕВИЧ

Венский университет, Вена, Австрия

<https://orcid.org/0000-0002-2518-7858>

Рекомендация для цитирования:
Жихаревич Д. М. (2025) Темные двойники полной занятости. Предисловие к переводу. *Социология власти*, 37 (1): 147-153. EDN: OETBVH

For citation:
Zhikharevich D. M. (2025) Full Employment's Dark Doubles. Preface to the Translation. *Sociology of Power*, 37(1): 147-153.

Поступила в редакцию: 20.03.2025;
принята в печать: 26.03.2025
Received: 20.03.2025; Accepted:
26.03.2025

© Zhikharevich D. M., 2025
This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Статья супругов Комарофф, перевод которой публикуется в этом номере «Социологии власти», основана на докладе, сделанном ими на конференции «Капитализм и социальная теория» 12 апреля 2019 года. Эта конференция была посвящена памяти Мойше Постона (1942–2018) — выдающегося социального теоретика, наиболее известного своими работами о «позднем» Марксе, а также исследованиями антисемитизма и памяти о Холокосте. Поскольку сюжеты, затронутые в статье, перекликаются с идеями Постона, стоит сказать о них несколько слов.

В своей главной книге «Время, труд и социальное господство», опубликованной в 1993 году, Постон предложил оригинальную интерпретацию экономической теории Маркса, изложенной в «Капитале» и «Экономических рукописях 1857–1858 гг.» (Grundrisse), как теории критической — точнее, как формы имманентной критики буржуазного способа производства (Postone 1993). Такая критика действует «изнутри» своего объекта, оперируя его собственными катего-

риями — то есть категориями буржуазной политической экономики, выражающими специфику капитализма как исторической формы жизни. Поэтому проект Маркса — это именно *критика* политэкономики, а не *критическая* политэкономия, опирающаяся на то или иное внешнее основание. По мнению Постопа, для «традиционного марксизма», которому он противопоставляет свою интерпретацию Маркса, таким основанием выступал труд, понимаемый в онтологическом, трансисторическом смысле слова, как «обмен веществ» между человеком и природой и источник материального богатства. Критика капитализма *с точки зрения труда* стремится разоблачить систему эксплуатации трудящихся классов и ратует за «освобождение» труда от институциональных форм, препятствующих его (само)реализации, — рынка и частной собственности. С точки зрения Постопа, такая критика бьет мимо цели, поскольку замыкается на отношениях распределения, не погружаясь в отношения производственные, что предполагает возвращение к предпринятому Марксом анализу двойственной природы труда.

148

Постоп считает, что различие абстрактного труда, производящего стоимость, и конкретного труда, производящего «полезность», или потребительную стоимость, относится только к буржуазному способу производства как исторически специфичной форме социальной организации. В обществе товаропроизводителей абстрактный труд выступает наиболее фундаментальной формой социального опосредования (*social mediation*), то есть взаимозависимости индивидов, поскольку они связаны друг с другом не отношениями родства или личной зависимости, а отношениями *стоимости* (*value, Wert*), которые регулируют товарообмен. Социальная связь приобретает вещную форму, и поэтому производителям «общественные отношения их частных работ кажутся именно тем, что они представляют собой на самом деле, т.е. не непосредственно общественными отношениями самих лиц в их труде, а, напротив, вещными отношениями лиц и общественными отношениями вещей» (Маркс 1952, с. 79). Здесь Постоп следует за Марксом: «Этот фетишистский характер товарного мира порождается... своеобразным общественным характером труда, производящего товары» (Маркс 1952, с. 79). Двойственный характер труда в конечном счете выступает и источником характерной для капитализма противоречивой исторической динамики — увеличение производительности (конкретного) труда наталкивается на необходимость придания материальному богатству формы стоимости, величина которой зависит от времени (абстрактного) труда:

Долговременная тенденция этого исторического развития заключается в том, что производство, основанное на рабочем времени — то есть на стоимости и, следовательно, на пролетарском труде, — становится все большим анахронизмом... Однако, с другой стороны, поскольку диалектика трансформации и реконституции не просто движет вперед производительность, но и реконституирует стоимость, она тем самым также осуществляет структурную реконституцию необходимости труда, создающего стоимости, то есть пролетарского труда (Postone 2017, p. 50).

В статье Комарофф это противоречие рассматривается как эмпирический вопрос. Как объяснить непреходящее значение труда, способность этой категории сохранять свой «сквозной» характер в современной исторической ситуации, когда эмпирические границы между трудом и не-трудом все более размываются, причем сразу с нескольких сторон — идет ли речь о платформизации занятости, коммодификации заботы или технологическом замещении (см.: Хумарян, Жихаревич и Коновалов 2020)?

Одним из симптомов происходящего является, по мнению авторов статьи, зачарованность современного культурного воображения нечеловеческими фигурами — роботами, алгоритмами или зомби, короче — другими, пришедшими, чтобы забрать нашу работу, подобно трудовым мигрантам, которых тоже нетрудно представить в этом ряду. (Впрочем, как выразился Маркс в приведенной выше цитате, здесь вещи тоже кажутся именно тем, чем и являются на самом деле, — еще из анализа отчуждения труда в «Экономико-философских рукописях 1844 года» ясно, что рабочий — это нечто меньшее, чем человек. Собственно, автоматизация только и становится возможной благодаря превращению рабочего в «живого робота» — Комарофф приводят соответствующий пример, согласующийся с наблюдениями других авторов (Bugtell, Fourcade 2021)).

Другой симптом — неспособность критической мысли представить посткапиталистическое будущее, не прибегая к бумерским фантазиям о послевоенном «славном тридцатилетии» экономического роста, низкой безработицы и неравенства, сильных левых партий и профсоюзов. Эта фантазия сохраняет «парадигматическое присутствие в современном социологическом воображении», отчасти ценой забвения более мрачных сторон этого «оптимистического зенита» либерально-демократической современности, ее гетеротопий — империалистических войн на периферии мир-системы, бедности и отчаяния городских гетто в ее центре. Уходя все дальше за горизонт осуществимого и даже мыслимого, идея всеобщей занятости остается в центре как популярных представлений о золотом веке, к которому было бы неплохо вернуться в будущем, так

и теорий хозяйства и общества при капитализме, и левых, и правых — здесь Комарофф развивают тезис Постоно о нарастающем анахронизме труда, подчеркивая его устойчивость как нормативного идеала на фоне исчерпания структурных возможностей для его реализации.

150 С точки зрения *longue durée* капитализма новым здесь является не само это противоречие, а его острота. С одной стороны, историки и антропологи показали контингентный характер связи труда и капитализма — исторически капитал всегда стремился стать независимым от труда, следуя броделевскому императиву гибкости (см.: Жихаревич 2021), стремясь «освободить производство от издержек труда», по словам Комарофф. С другой стороны, по меньшей мере со времен мир-системного анализа ясно, что для капитализма характерно одновременное существование многообразных форм контроля над трудом и извлечения стоимости, которые не являются пережитками предшествующих хозяйственных эпох или отклонениями от нормы формально свободного наемного труда, находящегося в реальном подчинении капиталу. Как пишут Комарофф, в колониях и метрополии, в прошлом и настоящем капитализма его трудовые режимы были более разнообразными и синтетическими, чем склонна полагать критическая литература, и на всем протяжении своей истории капитализм одновременно утверждал центральность «свободного» труда и стремился его подорвать. Примерно так обстоит дело и сегодня — статья Комарофф показывает, каким образом капиталистическая гетерогенность позволяет не снять, но временно обойти обозначенное Постоном противоречие, откладывая его разрешение на неопределенный срок. С другой стороны, именно оно проливает свет на современные трансформации труда:

Противоречие, лежащее в основе отношений труда и капитала, рекурсивно разыгрываемое на протяжении предыдущих веков, может структурно манифестироваться в реорганизации глобальной рабочей силы, ее демографии, географии, темпоральности, материальности и в прагматическом пересмотре границ и реартикуляции того, что конвенционально понималось как формальная и неформальная экономики (Comaroff, Comaroff 2020, p. 104).

Комарофф анализируют эту реорганизацию как диалектику двух процессов. Во-первых, труд сегодня существует в планетарных масштабах — разработчики алгоритмов в Кремниевой долине и кликворкеры в Бразилии, помогающие этим алгоритмам правильно работать, встроены в одни и те же цепочки создания стоимости и постольку связаны друг с другом, причем эта связь, как правило, остается скрытой, а ее последствия воспринимаются поэтому как проявление внешней силы самих «вещей» (как заметил бы все тот

же Постон). Появление «гибких географий производства» в результате последней волны глобализации капитала, начавшейся в 1970-е годы, теоретически могло сделать планетарное распределение работы более равномерным, но на практике привело к глобальной «игре на понижение» в отношении условий труда и заработной платы. Отсюда второй процесс, диалектически связанный с первым, — сокращение формальной занятости, идущее как на Глобальном Севере, так и на Глобальном Юге, параллельно росту глобальной же резервной армии труда. Казуализация и информализация работы приводят к тому, что у формальной занятости появляется все большее количество двойников — подобно тому, как зомби и роботы являются двойниками пролетария — платформенная экономика, экономика совместного использования, экономика заботы, экономика гостеприимства, ремесленная, криминальная, карцеральная, интимная экономика... ни одна из которых, как отмечают Комарофф, не является в общепринятом смысле слова пролетарской и не предполагает регулярную выплату заработной платы. Такой подход позволяет разглядеть в прекаризации труда на Севере и информализации занятости на Юге проявления одного и того же процесса, а также связать воедино такие явления современной хозяйственной жизни, как платформизация труда, превращение работников в «само-предпринимателей» или набирающая обороты ассетизация (Birch, Muniesa 2020) — то есть превращение все большего числа разнообразных объектов, от арендуемых квартир и автомобилей до финансовых инструментов, частных тюрем и солнечных панелей, в приносящие доход активы, формы капитала, существующие как бы отдельно от труда.

151

Несмотря на все ожидания «конца работы», от миллениаристских до ксенофобных, даже работники финансовой сферы, максимально удаленной от индустриального труда — который, пользуясь терминами Дэвида Гребера, можно назвать «эмблематическим», образцовым для современных представлений о работе (Sahlins, Graeber 2016), — склонны описывать свою деятельность как «индустрию», а результаты своего труда — как «продукты». Как писал тот же Гребер, для огромного количества людей, не погруженных в академические тонкости, трудовая теория стоимости — это просто здравый смысл, спонтанная политэкономия, согласующаяся с повседневным опытом и моральными интуициями. С точки зрения Комарофф, дело не ограничивается культурной инерцией, в силу которой труд продолжает считаться добродетелью — да и нельзя сказать, что эта добродетель не подвергается сомнению: как выразился историк Джеймс Ливингстон в книге *Fuck Work*, если когда-то давно работа была способом самопознания и развития своих способностей, то теперь она превратилась в способ бегства от самого себя (Livingston 2016). Все это может

быть так в странах Глобального Севера, где идет процесс бюрократического обесмысливания (булшитизации) труда, занятие которым может быть оправданно лишь обещанием расширения потребительских возможностей и потому противоречит утилитарной экономической логике — бредовая работа не создает никакой ценности, но при этом за нее хорошо платят (Гребер 2020), в то время как на Глобальном Юге в высшей степени полезный наемный труд все еще может обходиться дешевле автоматизации (в африканских портах кранами управляют живые крановщики). В более общем плане аргумент Кома-рофф в том, что граница между трудом и его двойниками остается конститутивной для капитализма, хотя специфически «южный» опыт информализации занятости теперь постепенно догоняет Север. В конечном счете капитализм спасается за счет собственной неравномерности, описанной еще Троцким, Лениным и Люксембург, однако эта неравномерность больше не привязана к географии, но работает как более общий принцип, создающий вокруг экономики формальной занятости ее неформальных двойников. Глобальная информализация занятости — это и движение в мир «после труда», и гарантия его недостижимости.

152

Список источников / References

Гребер Д. (2020) *Бредовая работа. Трактат о распространении бессмысленного труда*. М.: Ад Маргинем Пресс.

— Graeber D. (2020) *Bullshit jobs. A treatise on the spread of meaningless labor*. Moscow: Ad Marginem Press. In Russ.

Жихаревич Д. М. (2021) Элементы прагматической теории капитализма. *Социология власти*, 33 (1), с. 125-168.

— Zhikharevich D. M. (2021) Elements of a Pragmatic Theory of Capitalism. *Sociology of Power*, 33 (1), pp. 125-168.

Маркс К. (1952 [1867]). *Капитал: Критика политической экономии*. Том 1. М.: Госполитиздат.

— Marx K. (1952 [1867]) *Capital. Critique of Political Economy*. Volume I. Moscow: State publishing house of political literature. (in Russ.)

Хумарян Д. Г., Жихаревич Д. М., Коновалов И. А. (2020) К новым исследованиям труда: вместо предисловия. *Социология власти*, 32 (1), с. 8-29.

— Khumaryan D. G., Zhikharevich D. M., Kononov I. A. (2020) Towards New Studies of Labor: Instead of an Introduction. *Sociology of Power*, 32 (1), pp. 8-29.

Birch K., Muniesa, F. (2020) *Assetization: turning things into assets in technoscientific capitalism*. Cambridge, MA: The MIT Press.

Burrell J. et al. (2021) The Society of Algorithms. *Annual review of sociology*, 47(1), pp. 213-237. <https://doi.org/10.1146/annurev-soc-090820-020800>

- Comaroff J., Comaroff J. (2020) After Labor. *Critical Historical Studies*, 7(1), pp. 87-112.
- Graeber, D., Sahlins, M. (2016) *On Kings*. Chicago: Hau Press.
- Livingston J. (2016) *No More Work. Why Full Employment is a Bad Idea*. Chapel Hill: The University of North Carolina.
- Postone M. (1993) *Time, Labor and Social Domination: A Reinterpretation of Marx's Critical Theory*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Postone M. (2017) The Current Crisis and the Anachronism of Value: A Marxian Reading. *Continental Thought and Theory*, 1(4), pp. 38-54.

Об авторе / About the author

Жихаревич Дмитрий Михайлович — научный сотрудник факультета политических наук Венского университета. Научные интересы: историческая социология, социальная теория, valuation studies, история и социология экономического знания, история капитализма.

<https://orcid.org/0000-0002-2518-7858>. Email: dmitrii.zhikharevich@univie.ac.at

Dmitrii M. Zhikharevich — researcher at the Department of Political Science, University of Vienna. Research interests: historical sociology, social theory, valuation studies, history and sociology of economic knowledge, history of capitalism.

<https://orcid.org/0000-0002-2518-7858>. Email: dmitrii.zhikharevich@univie.ac.at